

Время службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ ¹⁾).

Высочайше утвержденнымъ уставомъ 1833 года на русскій языкъ въ гимназіяхъ Царства Польскаго назначено было въ филологическомъ отдѣленіи 24 полутора-часовыхъ урока, т. е. 36 часовъ, а въ техническомъ 21 урокъ, т. е. 31 часъ въ недѣлю; почти такое же число уроковъ назначено было и на польскій языкъ. По уставу 1840 года число уроковъ русскаго языка сокращено было до 33 часовъ въ недѣлю. Такимъ образомъ, съ самаго начала реформъ въ Царствѣ Польскомъ русскому языку было придано значеніе, какъ языку государственному. Подъ вліяніемъ печальныхъ событій 1861—1863 годовъ въ Царствѣ Польскомъ, по инициативѣ графа Велепольскаго былъ выработанъ Высочайше утвержденный 8-го мая 1862 года уставъ объ общественномъ воспитаніи въ Царствѣ Польскомъ. По уставу 1862 года въ гимназіяхъ вмѣсто двухъ учителей русскаго языка назначенъ одинъ; число уроковъ этого предмета сокращено съ 33 на 14; всѣ уроки русскаго языка отнесены на послѣобѣденное время; преподаваніе славянскаго языка отмѣнено; въ I и II классѣ преподаваніе русскаго языка узаконено на польскомъ языкѣ.

Въ 187³/₄ учебномъ году къ классическимъ гимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа примѣненъ Высочайше утвержденный 30 іюля 1871 года уставъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и съ этого времени началось преподаваніе польскаго языка въ гимназіяхъ на основаніи новаго устава, коимъ по числу уроковъ польскій языкъ былъ поставленъ въ то же положеніе, въ какое уставомъ 1862 года былъ поставленъ русскій языкъ.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, сентябрь 1914 г.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія въ 28 день февраля 1882 года число уроковъ польскаго языка въ гимназіяхъ увеличено до 19 часовъ въ недѣлю; но поляки, конечно, не были довольны такимъ увеличеніемъ и постановкою преподаванія польскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа; не былъ доволенъ и варшавскій генераль губернаторъ Гурко, и на этой почвѣ между нимъ и попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа Апухтинымъ возникли пререканія, сущность которыхъ сдѣлалась извѣстной полякамъ, послѣ того, какъ въ Варшавѣ были распространены копіи изъ Высочайшаго отчета Гурко за 1890 годъ, кѣмъ-то выкраденнаго и отпечатаннаго въ Лондонѣ. Свѣдѣнія объ этомъ разногласіи между генераль губернаторомъ и попечителемъ округа были опубликованы также въ „Очеркахъ Привислиня“. Преемники Гурко и Апухтина генераль-губернаторъ князь Имеретинскій и попечитель Лисинъ были сторонники расширенія правъ поляковъ, поэтому первымъ дѣломъ обоихъ было ходатайство о болѣе удовлетворительной постановкѣ преподаванія польскаго языка, и Высочайшимъ повелѣніемъ въ 22 день февраля 1899 года преподаваніе польскаго языка было уравнено съ иностранными языками, именно разрѣшено преподавателямъ польскаго языка объясняться съ учениками по-польски въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо по соображенію съ интересами преподаванія, и вмѣстѣ съ тѣмъ попечителемъ приняты мѣры къ расширенію программы преподаванія польскаго языка и литературы: попечителемъ предложено было педагогическимъ совѣтомъ гимназій выработать программу польскаго языка и литературы и составить списки литературныхъ произведеній для класснаго чтенія, разбора и заучиванія наизусть. Подъ руководствомъ директора, въ Радомской гимназій работала комиссія, составлявшая программу польской литературы. Я самъ видѣлъ, какую трудность представляла выработка подобной программы. Польская литература второй половины восемнадцатаго вѣка и девятнадцатаго вѣка въ столь значительной степени проникнута тенденціозностью, глубокимъ польскимъ патріотизмомъ, а часто прямою ненавистью къ Россіи и ко всему русскому, что выборъ поэтическихъ произведеній, удовлетворяющихъ художественнымъ требованіямъ и чуждыхъ узкой тенденціозности, представлялъ громадныя затрудненія. Въ Варшавѣ же, въ комитетѣ, образованномъ попечителемъ—при учебномъ округѣ и состоявшемъ изъ преподавателей польскаго языка въ Варшавскихъ учебныхъ

заведеніяхъ окончательныя выработка программы сопровождалась страстными спорами и горячностію дебатовъ нѣкоторыхъ членовъ комитета, при чемъ споры отличались не только страстностію, но и рѣзкостью сужденій, такъ какъ поляки въ это время находились въ возбужденномъ состояніи и были окрылены надеждами и упованіями, тѣмъ болѣе, что обсужденіе программъ совпало съ временемъ открытія въ Варшавѣ памятника великому польскому національному поэту Мицкевичу, который до этого времени, въ значительной части своихъ поэтическихъ произведеній и по многимъ фактамъ своей эмигрантской жизни, находился подъ запретомъ.

Открытіе памятника Мицкевичу въ Варшавѣ, 11 декабря 1899 года, воодушевляло поляковъ въ такой степени, что, кажется, варшавская администрація имѣла основаніе раскаяваться въ томъ, что разрѣшила постановку памятника Мицкевичу. Въ Варшавѣ, по крайней мѣрѣ, сильно опасались беспорядковъ въ день открытія памятника, поэтому программа торжества была сужена до крайности и были приняты чрезвычайныя мѣры предосторожностей, благодаря которымъ, можетъ быть, и не было особыхъ инцидентовъ при открытіи памятника. За нѣсколько дней до открытія памятника были весьма осторожно разносимы по домамъ и квартирамъ и совались въ двери и въ ящики у дверей прокламаціи, съ приглашеніемъ собраться во время открытія памятника, на углу улицы Сольцы и Іерусалимской аллеи. Но изъ этого приглашенія ничего не вышло, ибо полиціей были приняты мѣры. Громадная толпа студентовъ, душъ 500 — 600, медленно надвигавшаяся по Новому Свѣту, по направленію къ памятнику, съ цѣлію очевидно произвести демонстрацію, была во-время разсѣяна полиціей. Видимо предполагалось собрать депутатовъ отъ Варшавскихъ и провинціальныхъ учебныхъ заведеній, благо открытіе памятника совпало съ началомъ рождественскихъ каникулъ въ учебныхъ заведеніяхъ. У учениковъ Радомской гимназіи въ это время обнаружилось сильное желаніе, по важнымъ и неотложнымъ обстоятельствамъ, ѣхать въ Варшаву, какъ разъ ко дню открытія памятника Мицкевичу; но такъ какъ предписано было не отпускать въ Варшаву учениковъ безъ уважительной причины и безъ сопровожденія ихъ родителями, то разрѣшенія на поѣздку не давались; но, несмотря на это, два ученика, изъ коихъ одинъ еврей, побывали въ Варшавѣ въ качествѣ депутатовъ, что въ виду близости разстоянія между Варшавой и Радомомъ было легко осуществить. Стремленіе поляковъ имѣть,

при открытіи памятника Мицкевичу, представителей отъ Радома, тѣмъ болѣе понятно, что въ дѣлѣ возбужденія вопроса о постановкѣ этого памятника Радомъ игралъ выдающуюся роль. „Gazeta Radomska“ первая возбудила вопросъ о постановкѣ памятника національному польскому поэту Мицкевичу; эта же газета смѣло, но неудачно подняла вопросъ о реставраціи находящагося въ Радомской губерніи памятника Костюшко. Въ день открытія памятника Мицкевичу полиціи въ Варшавѣ было чрезвычайно много; по дворамъ домовъ, на улицахъ Трембацкой, Краковскому предмѣстью и другимъ, были размѣщены казацкія сотни; за день до открытія памятника, въ самый день открытія и послѣдующіе два—три дня съ утра до глубокой ночи гуляли по Варшавѣ военные отряды. Самое открытіе памятника послѣдовало ровно въ 10 часовъ утра и ограничилось религіознымъ торжествомъ освященія памятника и возложеніемъ вѣнковъ у подножія его. Ни пѣнія, ни рѣчей не было. Сенкевичъ хотѣлъ было сказать рѣчь; цензура заставляла его четыре раза передѣлывать рѣчь, и въ результатѣ власти все-таки не дали разрѣшенія на произнесеніе ея. Овацій также предъ памятникомъ никакихъ не было; даже въ тотъ моментъ, когда съ памятника спало покрывало и обнаружилась статуя Мицкевича, не раздалось ни одного звука, послѣдовало чисто гробовое молчаніе. Предполагавшійся послѣ открытія памятника въ домѣ Кроненберга обѣдъ, прибыть на который далъ свое согласіе князь Имеретинскій, не состоялся. Манифестаціи при открытіи памятника можно было ожидать прежде всего со стороны учащейся молодежи, которая къ концу девятидесятихъ годовъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно въ Варшавскомъ университетѣ, открыто водно-валась и демонстрировала.

За годъ до открытія памятника Мицкевичу, въ Варшавскомъ университетѣ произошла шумная демонстрація, на политической почвѣ, противъ профессоровъ Зилова и Филевича. Означенные профессора провинились противъ поляковъ тѣмъ, что въ день открытія въ Вильнѣ памятника Муравьеву, послали изъ Варшавы комитету по устройству памятника привѣтственную телеграмму.

Демонстрація сперва произошла на лекціи Филевича; начался свистъ, шиканье, площадная брань и крики: „пошелъ вонъ“! Профессоръ предложилъ студентамъ, не желавшимъ его слушать, оставить аудиторію, что немедленно и было исполнено студентами поляками, и профессоръ продолжалъ читать

лекцію однимъ русскимъ студентамъ. На другой день, на лекціи профессора Зилова демонстрація превзошла всякія ожиданія: кромѣ свиста, крика и брани, пущены были въ ходъ галоши, и профессоръ принужденъ былъ прекратить лекцію. На университетскомъ дворѣ собралось нѣсколько сотъ студентовъ, и какъ ни храбро они держали себя, но при появленіи полиціи, значительная часть студентовъ разбѣжалась, даже убѣгали чрезъ университетскій садъ.

Въ Царствѣ Польскомъ демонстраціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ служатъ барометромъ, указывающимъ, какъ объ этомъ упомянуто выше,—неспокойное состояніе мѣстнаго общества, а распространеніе демонстрацій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ служитъ предвѣстникомъ начала активныхъ выступленій беспокойныхъ элементовъ этого общества. Возникновенію такихъ выступленій учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ способствовало не только политическое настроеніе польскаго общества, подъ вліяніемъ ослабленія въ краѣ режима и усиливающихся иллюзіи поляковъ, но также этому способствовали и нѣкоторыя мѣры и реформы министерства народнаго просвѣщенія, которыя въ корнѣ подтачивали школьную дисциплину и старый, хотя и пользовавшійся симпатіями, но твердо установившійся въ школахъ учебный строй.

ХІІІ.

Правительственныя мѣропріятія по школьной дисциплинѣ.

Къ числу мѣръ, имѣвшихъ вліяніе на дисциплину и строй среднихъ учебныхъ заведеній, принадлежатъ: 1) предоставленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній права обжалованія въ министерство рѣшеній начальства среднихъ учебныхъ заведеній, касающихся воспитанниковъ этихъ учебныхъ заведеній и при томъ, чрезъ посредство того же инкриминируемаго начальства. Это распоряженіе приказано было объявить и разъяснить воспитанникамъ и текстъ его выставить на видномъ мѣстѣ для свѣдѣнія учащихся. Предоставленіе воспитанникамъ права опротестовывать рѣшеніе своего ближайшаго начальства, посредствомъ апеллированія къ высшей учебной инстанціи, не только подрывало авторитетъ начальства среднихъ учебныхъ заведеній, но, предоставляя право подачи жалобъ ученикамъ, а не ихъ

родителямъ, подрывало авторитетъ родительской власти, подъ охраною и заботами которой находятся воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній, какъ несовершеннолѣтніе. Нужно только представить себѣ картину, какъ ученикъ пригособительнаго или перваго класса является къ директору гимназіи съ бумагою въ рукахъ и на вопросъ директора: „что вамъ нужно“, съ апломбомъ отвѣчаетъ: „я подаю господину министру жалобу на распоряженіе вашего превосходительства по касающемуся меня дѣлу“. Къ счастью, этотъ циркуляръ, какъ мертворожденной, не вызывалъ серьезныхъ инцидентовъ, можетъ быть, потому, что въ польской семьѣ дѣти находятся въ строгомъ повиновеніи родителямъ, а родители понимали нецѣлесообразность предоставленія дѣтямъ дѣйствій, составляющихъ прерогативу родителей, или считали непрактичнымъ—боевымъ выступленіемъ ихъ дѣтей противъ начальства обострять взаимныя отношенія учащихъ и учащихся; но все же этотъ циркуляръ подрывалъ авторитетъ начальства въ глазахъ учащихся и колебалъ школьную дисциплину.

Если упомянутый выше циркуляръ министерства только подрывалъ авторитетъ начальства среднихъ учебныхъ заведеній, то тѣ приемы, съ которыми министръ народнаго просвѣщенія Ванновскій принялся за реформированіе гимназій, окончательно подрывали и ниспровергали весь строй старой гимназіи. Реформа Ванновскаго началась съ признанія классической системы образованія непригодною и подлежащей совершенному упраздненію и замѣнѣ древнихъ языковъ естественновѣдѣніемъ и другими предметами. Если бы реформа Ванновскаго могла быть произведена въ теченіе одного года, чтобы въ теченіе же перваго года реформы новый порядокъ былъ примѣненъ во всѣхъ классахъ, то нравственное состояніе учениковъ было бы менѣ трагическимъ, нежели то, въ которомъ они очутились въ началѣ реформы: изученіе древнихъ языковъ признано было безцѣльнымъ и бесполезнымъ; эти языки въ низшихъ классахъ гимназіи въ первый же годъ реформы были упразднены, а между тѣмъ ученикамъ старшихъ классовъ приходилось еще въ теченіе пяти лѣтъ изучать то, что самимъ министерствомъ признано было негоднымъ для цѣлей образованія. Въ циркулярѣ министра о реформѣ средней школы слишкомъ ярко просвѣчиваетъ не только нерасположеніе къ классической системѣ образованія, но видна и фанатическая ненависть его къ прежней гимназической системѣ образованія, самое имя которой онъ хотѣлъ искоренить изъ памяти, проектируя гимназіи на-

звать средними школами и даже ненавистный ему „аттестатъ зрѣлости“ замѣнить словомъ „свидѣтельство“.

Легко представить, каково было нравственное состояніе учениковъ, которымъ приходилось изучать то, что официально признано не имѣющимъ ни образовательнаго, ни практическаго значенія. Только тотъ закалъ, который давала воспитанникамъ классическая система образованія, могъ сдѣлать ихъ настолько корректными, что они, даже и при дискретированіи изучаемаго ими предмета, сознавали необходимость закончить свое образованіе въ томъ направленіи, которому они посвятили значительное число лѣтъ своего школьнаго образованія. Но даже и самые корректные изъ учениковъ не могли не чувствовать фальшивости устоевъ своей школы, каковая фальшивость вмѣстѣ съ другими обстоятельствами не могла, въ свою очередь, не колебать режима и школьной дисциплины. При такомъ состояніи школы достаточно было нѣсколькихъ толчковъ и постороннихъ вліяній, чтобы вывести ее изъ равновѣсія и устойчивости. Гимназіи коренной Россіи были легко выведены изъ своей устойчивости революціонною пропагандою и нахлынувшею волною освободительнаго движенія, среднія же учебныя заведенія Царства Польскаго были выведены изъ своей устойчивости новыми вѣяніями въ краѣ и броженіемъ въ мѣстномъ обществѣ еще за долго до начала революціонной волны въ Имперіи, при чемъ толчкомъ, выведшимъ ихъ окончательно изъ равновѣсія, было обстоятельство, повидимому, имѣвшее мало отношенія къ учебнымъ заведеніямъ Варшавскаго учебнаго округа.

XIV.

Вржесненская школьная экзекуція въ Пруссіи и беспорядки въ Сѣдлецкой гимназіи.

Обстоятельство, выведшее окончательно среднія учебныя заведенія Варшавскаго учебнаго округа изъ устойчивости, было слѣдующее. Въ концѣ девяностыхъ годовъ въ Пруссіи, въ Силезіи и Познани, проводился съ особенною настойчивостью нѣмецкій культуръ-кампфъ. Въ польскихъ школахъ въ Силезіи и Познани энергично вводилось преподаваніе Закона Божія на нѣмецкомъ языкѣ и налагались кары на родителей за уклоненіе ихъ дѣтей отъ изученія Закона Божія на нѣмецкомъ языкѣ, а дѣти подвергались за это дисциплинарнымъ взысканіямъ до тѣлесныхъ наказаній розгами, включительно, при

чемъ съ особенною настойчивостью и жестокостью проводилась эта мѣра въ Вржеснѣ. Противъ дѣйствій Пруссіи предпринять былъ цѣлый походъ не только въ польской, но и русской прессѣ, при чемъ особеннымъ усердіемъ въ этомъ отношеніи отличалось „Новое Время“, которое въ яркихъ корреспонденціяхъ изъ Познани и Силезіи, особенно изъ Вржесны, изображало жестокость прусскаго правительства въ дѣлѣ проведенія нѣмецкаго языка въ школьномъ преподаваніи Закона Божія, а такъ какъ „Новое Время“ считалось газетою, получающею внушенія изъ высшихъ сферъ, во всякомъ случаѣ „Новое Время“ было газетою подцензурною, то многіе справедливо думали, что русское правительство не сочувствуетъ прусскимъ требованіямъ относительно преподаванія Закона Божія въ польскихъ школахъ Силезіи и Познани не на родномъ языкѣ поляковъ и что, слѣдовательно, если въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа Законъ Божій преподается для католиковъ на русскомъ языкѣ, то это происходитъ или по недоразумѣнію или вслѣдствіе того, что мѣстная бюрократія дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ въ цѣляхъ обрусѣнія и что въ данное время насталъ благопріятный моментъ довести до свѣдѣнія правительства о своевременности отмѣны оставшагося отъ прежнихъ лѣтъ распоряженія о преподаваніи въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ римско-католическаго Закона Божія на русскомъ языкѣ.

При организаціи учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ на началахъ общегосударственныхъ правительство не сразу произвело реформу и въ видѣ переходной мѣры, какъ объ этомъ уже упоминалось, устроены были учебныя заведенія, приспособленныя къ потребностямъ разныхъ въ Царствѣ Польскомъ населеній и, между прочимъ, открыты были мужскія гимназіи для греко-уніатскаго населенія въ Сѣдлецѣ и Холмѣ, прогимназіи въ Замостьѣ и Грубешовѣ, и въ то время какъ въ польскихъ гимназіяхъ большинство предметовъ, въ томъ числѣ и Законъ Божій, преподавались на польскомъ языкѣ, въ уніатскихъ гимназіяхъ всѣ предметы преподавались на русскомъ языкѣ, не исключая и Закона Божія для католиковъ, по тѣмъ соображеніямъ, что населеніе въ перечисленныхъ выше мѣстностяхъ было русское, хотя и перешедшее въ католичество, но понимавшее русскую рѣчь. Не было основанія населеніе окатоличенное ксендзами еще ополячивать введеніемъ преподаванія школьныхъ предметовъ на польскомъ языкѣ. Когда дѣленіе гимназій по національностямъ было уничтожено и за тѣмъ въ

1873/4 учебномъ году былъ примѣненъ къ гимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа Высочайше утвержденный 1871 года уставъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа узаконено введенное еще раньше преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ Закона Божія, который для католиковъ преподавался на польскомъ языкѣ, но въ учебныхъ заведеніяхъ, обслуживавшихъ униатское населеніе, преподаваніе Закона Божія оставлено на русскомъ языкѣ; еще прочтѣе утвердилось преподаваніе этого предмета на русскомъ языкѣ, когда въ 1875 году уничтожена была унія п Сѣдлецъ, Холмъ, Замостье и Грубешовъ признаны были древне-русскими мѣстностями.

Когда въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ Царствѣ Польскомъ начался новый режимъ, у поляковъ явились ожиданія и надежды на уступки русскаго правительства и когда въ русской прессѣ и отчасти въ русскомъ обществѣ начало проявляться суровое осужденіе прусскаго правительства за его репрессивныя мѣры противъ мѣстнаго польскаго населенія, не подчинявшагося распоряженіямъ правительства объ изученіи Закона Божія католиками на нѣмецкомъ языкѣ, поляки рѣшили добиться преподаванія Закона Божія на польскомъ языкѣ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго, гдѣ онъ преподавался на русскомъ языкѣ.

Трудно сказать, были ли выставлены въ авангардѣ этого требованія воспитанники ихъ родителями, по обыкновенію поляковъ начинать все безпорядки и революціи при выступленіи въ авангардѣ учащейся молодежи, или воспитанники, подъ вліяніемъ вѣяній въ обществѣ и внѣшнихъ возбужденій, сами выступили съ требованіями преподаванія Закона Божія на польскомъ языкѣ, обнаружилось только, что въ одно прекрасное утро въ Сѣдлецкой мужской гимназіи на этой почвѣ не только возникъ прискорбный инцидентъ, но произошелъ форменный бунтъ. На урокъ Закона Божія ученики 5 класса обратились къ своему законоучителю ксендзу съ просьбою излагать имъ предметъ на польскомъ языкѣ.

Ксендзъ отвѣтилъ ученикамъ, что своею волею, безъ разрѣшенія духовной или свѣтской власти, онъ не имѣетъ права перемѣнить языкъ преподаванія и сдѣлалъ имъ надлежащія разъясненія и наставленія относительно незаконности ихъ требованія. Послѣ этого въ классѣ, словно по сигналу, раздался свистъ, шумъ, крикъ: „вонъ изъ класса“ и вслѣдъ за этимъ

произведенъ былъ полный разгромъ сперва класса, въ которомъ были выбиты окна, поломана мебель, а затѣмъ, когда ученики 5 класса были поддержаны бунтарями въ другихъ классахъ, произведенъ былъ разгромъ и всей гимназіи. Очевидно, бунтъ произошелъ не внезапно, подъ впечатлѣніемъ возбужденія, а былъ подготовленъ предварительно и входилъ въ планъ дѣйствій воспитанниковъ, въ случаѣ неудовлетворенія ихъ требованія.

Послѣдствіемъ бунта было исключеніе изъ гимназіи 58 учениковъ согласно опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи, а мѣстною администраціей приняты были крутыя мѣры противъ бунтарей: иногородніе ученики выселены были на мѣста ихъ жительства, имъ воспрещена была отлучка съ мѣста ихъ жительства и надъ всѣми исключенными установленъ былъ полицейскій надзоръ; но послѣднія мѣры оказалась мертворожденными. Можно было предполагать, что бунтъ въ Сѣдлецкой гимназіи, окончившійся строгою карою виновныхъ, не будетъ имѣть неблагоприятныхъ послѣдствій для другихъ гимназій; но оказалось, что этотъ бунтъ былъ тѣмъ толчкомъ, который вывелъ изъ устойчивости поколебленные уже учебныя заведенія Варшавскаго учебнаго округа и послужилъ сигналомъ къ безпорядкамъ въ другихъ заведеніяхъ. А почва для этого была благоприятна и была уже вполнѣ подготовлена.

XV.

Отраженіе Сѣдлецкихъ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа.

Въ Варшавѣ, ко времени бунта въ Сѣдлецкой гимназіи, была полная разнузданность въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; на урокахъ учителей русскаго языка, особенно изъ числа слабохарактерныхъ, происходилъ шумъ, разговоры, учителей часто гнали изъ классовъ, устраивали всякія вредныя шалости: втыкали въ классныя кресла иголки, гвозди, на которые неосторожные учителя садились и причиняли себѣ пораненія. Въ Люблинской гимназіи совершенно неожиданно произошелъ инцидентъ на праздникѣ древонасажденія: изъ толпы учениковъ брошены были комья земли, а ученики младшихъ классовъ, не дождавшись окончанія торжества и построенія въ строевыя колонны, побѣжали въ гимназію впередъ и побили въ зданіи окна; въ Плоцкой гимназіи на актѣ по случаю юбилея Гоголя, 21 февраля 1902 года, произошли безпорядки, съ битьемъ оконъ въ зданіи;

ученики Варшавскихъ гимназій порвали на улицѣ полученныя ими отдѣльныя изданія сочиненій на юбилейномъ актѣ, такъ что Краковское Предмѣстье, Новый Свѣтъ и улицы, прилегающія къ гимназіямъ, сплошь были устѣяны изодранными въ ключья сочиненіями Гоголя. Такимъ неспокойнымъ настроеніемъ учебныхъ заведеній задумали воспользоваться исключенные изъ заведенія воспитанники Сѣдлецкой гимназіи. Изъ числа 53 учениковъ Сѣдлецкой гимназіи, удаленныхъ изъ учебнаго заведенія, часть была исключена безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія, а часть съ правомъ поступленія въ другія гимназій, кромѣ Сѣдлецкой; но и исключенныхъ по послѣдней категоріи, въ виду участія ихъ въ крупномъ проступкѣ, ни одинъ директоръ не рѣшался принять въ свою гимназію. Исключенные всюду встрѣчали отказъ. Въ виду такого положенія дѣла, родители исключенныхъ учениковъ ходатайствовали о разрѣшеніи ихъ дѣтямъ поступить въ гимназію Варшавскаго учебнаго округа; съ такою же просьбою они обращались и къ министру народнаго просвѣщенія, но въ обѣихъ инстанціяхъ въ ихъ просьбѣ имъ было отказано. Тогда родители исключенныхъ учениковъ Сѣдлецкой гимназіи рѣшили дѣйствовать на директоровъ гимназій Варшавскаго учебнаго округа терроромъ и устрашеніемъ—рѣшили угрозою неприятныхъ для подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній послѣдствій заставить ихъ ходатайствовать предъ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа о разрѣшеніи принять во ввѣренныя имъ учебныя заведенія исключеннымъ изъ Сѣдлецкой гимназіи учениковъ.

Для осуществленія этой цѣли исключенные изъ Сѣдлецкой гимназіи ученики были подѣлены на небольшія группы и отправлялись въ тѣ города, гдѣ есть гимназіи,—съ миссіей взять съ учениковъ мѣстныхъ гимназій клятвенное обѣщаніе, что они будутъ просить свое ближайшее начальство о принятіи исключенныхъ изъ Сѣдлецкой гимназіи воспитанниковъ въ мѣстную гимназію; въ случаѣ же отказа директоровъ въ ихъ просьбѣ произвести въ гимназіи бунтъ и сигналомъ бунта въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ устрашить директоровъ остальныхъ гимназій и такимъ образомъ угрозою террора побудить ихъ быть уступчивыми и принять исключенныхъ учениковъ Сѣдлецкой гимназіи.

И дѣйствительно, послѣ исторіи въ Сѣдлецкой гимназіи въ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго округа начали обнаруживаться инциденты, выходящіе изъ ряда

обыкновенныхъ ученическихъ проступковъ, хотя до прямого бунта дѣло еще не доходило въ большинствѣ гимназій. Между тѣмъ до свѣдѣнія директора Радомской гимназій дошло, что сѣдлецкіе агитаторы пріѣзжали въ Радомъ и уговаривали учениковъ Радомской гимназій выступить предъ мѣстнымъ начальствомъ съ ультиматумомъ ходатайствовать предъ попечителемъ о разрѣшеніи поступить въ Радомскую гимназію тѣмъ изъ исключенныхъ учениковъ Сѣдлецкой гимназій, которые обратятся съ прошеніемъ объ этомъ. Съ такою же миссіей агенты посѣтили и Лодзинскую гимназію, но и въ Радомѣ и въ Лодзи потерпѣли неудачу: воспитанники Радомской гимназій категорически отказались не только отъ бунта, но и отъ предъявленія начальству гимназій ходатайства о принятіи исключенныхъ учениковъ въ Радомскую гимназію, мотивируя свой отказъ отсутствіемъ надежды на удовлетвореніе гимназіей такого ходатайства, въ виду извѣстнаго имъ вѣянія въ Радомской гимназій и установившагося режима въ ней. Но первая неудача не обезкуражила агитаторовъ, они продолжали различными способами муссировать провинціальныя гимназій и по мѣрѣ того, какъ дисциплина падала въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа и увеличивалось неспокойное настроеніе въ обществѣ, пансы ихъ на возбужденіе воспитанниковъ этихъ гимназій и выступленіе ихъ въ защиту предъявленныхъ ими требованій усиливались.

Напоръ былъ сдѣланъ агитаторами преимущественно на Радомскую гимназію, какъ на самую многолюдную гимназію въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и при томъ состоящую преимущественно изъ учениковъ поляковъ, такъ какъ русскіе ученики составляли въ ней 16% общаго числа 760 учениковъ; кромѣ того, Радомъ представлялъ вообще благопріятную почву для агитаціи и пособничества агитаторамъ со стороны мѣстнаго общества, среди котораго находилось значительное число личностей, сочувствовавшихъ возникавшему движенію въ польскомъ обществѣ и пользовавшихся мѣстнымъ авторитетомъ.

Въ это время получены были директоромъ Радомской гимназій свѣдѣнія, что въ городъ вторично пріѣхали сѣдлецкіе агитаторы, а вскорѣ было обнаружено и мѣсто, гдѣ они дѣйствовали: обратило вниманіе директора появившееся въ эту пору у учениковъ Радомской гимназій необыкновенное увлеченіе каткомъ. На катокъ начали отпрашиваться ученики, не умѣющіе кататься на конькахъ, а когда одинъ ученикъ 6 класса, не умѣвшій кататься на конькахъ, мальчикъ весьма скромный и

отличнаго поведенія, самовольно ушелъ съ урока на катокъ, дѣло показалось директору подозрительнымъ. Директоръ поручилъ дежурнымъ на каткѣ помощникамъ классныхъ наставниковъ наблюсти за поведеніемъ учениковъ на каткѣ, и тѣ доложили, что на каткѣ появились ученики посторонней гимназіи, которые ведутъ съ учениками Радомской гимназіи оживленныя сношенія. Потомъ было обнаружено, что агенты дѣйствовали не только на каткѣ, но и на боковыхъ улицахъ города и распространяли прокламаціи среди учениковъ. Были приняты мѣры къ наблюденію за учениками и усиленъ надзоръ за ними. Послѣ этого прѣвзжіе ученики исчезли; но дѣло, видимо, было сдѣлано.

Однажды является къ директору гимназіи учитель С. и докладываетъ, что на слѣдующій день, въ 11 час. утра, въ Радомской гимназіи долженъ произойти бунтъ; ученики обратятся къ нему съ просьбою ходатайствовать передъ попечителемъ округа о разрѣшеніи принять въ Радомскую гимназію тѣхъ воспитанниковъ Сѣдлецкой гимназій, которые подадутъ ему объ этомъ прошенія и, что въ случаѣ отказа его въ удовлетвореніи просьбы учениковъ Радомской гимназіи, они, по примѣру другихъ учебныхъ заведеній, произведутъ бунтъ: будутъ бить окна, ломать мебель и вообще произведутъ разгромъ гимназіи. Поблагодаривъ учителя С. за предупрежденіе, директоръ вмѣстѣ съ нимъ обсудилъ мѣры предупрежденія безпорядковъ. Учитель С. пользовался большимъ авторитетомъ у учениковъ и поэтому имъ обѣщалъ на слѣдующій день прибыть въ гимназію съ утра, хотя у него не было допоздненныхъ уроковъ, съ цѣлью воздѣйствія на учащихъ и вразумленія ихъ. Хотя учитель С. былъ стойкій польскій націоналистъ, но отличался благоразуміемъ и тактичностью: онъ понималъ всю безцѣльность агитаціи и безразсудность поступка учениковъ Радомской гимназіи, такъ какъ ихъ выступленіе никакого практическаго результата имѣть не могло, а влекло только за собою безплодно новыя жертвы, поэтому директору тѣмъ цѣннѣе было его предупрежденіе, служившее выраженіемъ заботы его о благѣ воспитывающейся молодежи, увлекающейся и непрактичной, и о благѣ учебнаго заведенія. О готовившемся бунтѣ, безъ сомнѣнія, знали и другіе учителя-поляки, такъ какъ онѣ имѣли сношенія съ польскимъ обществомъ, содержали у себя на квартирѣ учениковъ, а многіе имѣли сыновей и родственниковъ, воспитывавшихся въ гимназіи, но никто изъ нихъ, кромѣ учителя С., не предупредилъ директора о грозившей опасности. Извѣстіе о готовившемся бунтѣ директоръ получилъ въ 11 часовъ ночи, и нельзя сказать

чтобы онъ спокойно провелъ ночь и наступившее утро; но директоръ понималъ, что только смѣлостью и твердостью можно предупредить катастрофу, и рѣшилъ дѣйствовать энергично, на собственный рискъ. Предложивъ инспектору и класснымъ наставникамъ быть въ 11 часовъ при своихъ классахъ, директоръ въ 10 часовъ вошелъ въ 7 классъ, который долженъ былъ стать во главѣ бунта, и обратился, во время урока, къ ученикамъ съ слѣдующими словами: „Я, господа, много разъ предупреждалъ васъ, чтобы вы избѣгали сношеній съ людьми, которые могутъ имѣть на васъ вредное вліяніе, возбуждать васъ къ нарушенію порядка, школьной дисциплины и существующихъ распоряженій, но вы не послушались моихъ совѣтовъ и предостереженій и вошли въ сношенія съ прибывшими въ Радомъ агитаторами, которые уговорили васъ просить меня ходатайствовать предъ господиномъ попечителемъ округа о разрѣшеніи нѣкоторымъ изъ исключенныхъ изъ Сѣдлецкой гимназій ученикамъ поступить въ Радомскую гимназію и, въ случаѣ отказа моего въ таковой просьбѣ вашей, произвести въ Радомской гимназій бунтъ. Бунтъ назначенъ сегодня въ 11 часовъ и долженъ начаться въ 7 классѣ. Я скажу вамъ еще болѣе: мнѣ извѣстны фамиліи тѣхъ изъ васъ, которые входили въ переговоры съ учениками Сѣдлецкой гимназій и которые должны стоять во главѣ бунта. Я теперь не называю фамилій этихъ учениковъ, ибо перечисленіе ихъ мною по фамиліямъ равносильно окончанію ихъ гимназической карьеры и повлечетъ за собою для нихъ непоправимыя бѣдствія, а я надѣюсь, что главные агитаторы ваши и вы всѣ сознаете безразсудность и преступность задуманнаго вами поступка, раскаетесь, и своимъ дальнѣйшимъ хорошимъ поведеніемъ искупите необдуманное увлеченіе воздѣйствіями на васъ агитаторовъ и сознаете ложность понятой вами товарищеской солидарности, которая привела васъ къ краю пропасти“. Затѣмъ почти въ теченіе цѣлаго часа директоръ развивалъ имъ мысль о серьезности ихъ проступка, нелѣпости и нецѣлесообразности принятаго ими на себя заступничества за учениковъ чужой гимназій, равно и о легкомысленности ихъ, что онъ возьметъ на себя ходатайство за учениковъ Сѣдлецкой гимназій, преступно нарушившихъ школьную дисциплину, при чемъ степень виновности каждаго изъ учениковъ этой гимназій ему совершенно неизвѣстна, а извѣстна, только педагогическому совѣту Сѣдлецкой гимназій. Первые слова директора, что въ 11 часовъ въ Радомской гимназій назначенъ бунтъ, что во главѣ бунта стоитъ седьмой классъ,

сказанныя смѣло и авторитетно, произвели на учениковъ ошеломляющее дѣйствіе; многіе изъ нихъ поблѣднѣли и стояли, какъ статуя, во время рѣчи директора. Въ 11 часовъ ударилъ звонокъ, началась перемѣна, затѣмъ по окончаніи третьяго урока наступила большая перемѣна, и ученики разошлись по корридорамъ и квартирамъ въ обычномъ порядкѣ и, такимъ образомъ, благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, бунтъ не состоялся, бѣдствіе было предотвращено и спасены многіе десятки дурно настроенныхъ и увлекающихся юношей, наиболѣе впечатлительныхъ и способныхъ къ необдуманнѣмъ поступкамъ.

Бунтъ былъ предотвращенъ, но состояніе гимназіи было тревожное; можно было опасаться вспышки и какихъ-либо громкихъ инцидентовъ, тѣмъ болѣе, что агитаціонное воздѣйствіе на учениковъ не прекращалось и время отъ времени возникали слухи о возможности бунта въ одно прекрасное утро; наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что снова пріѣзжали агенты, взяли съ учениковъ клятву произвести въ гимназіи бунтъ, и что бунтъ окончательно назначенъ въ день празднованія юбилея Жуковскаго, перенесеннаго съ 12 апрѣля, по случаю страстной недѣли, на 25 апрѣля, на день рожденія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Вслѣдствіе циркулированія такихъ слуховъ, нѣкоторые изъ учителей гимназіи, при обсужденіи въ педагогическомъ совѣтѣ программы празднованія въ Радомской гимназіи юбилея Жуковскаго, по случаю 50-лѣтія со дня его кончины, обратились къ директору съ просьбою, въ виду неспокойнаго состоянія учениковъ Радомской гимназіи, ходатайствовать предъ попечителемъ округа объ отмѣнѣ празднованія Радомскою гимназіею юбилея. Директоръ заявилъ педагогическому совѣту, что не только не допуститъ ходатайства предъ попечителемъ округа объ отмѣнѣ празднованія юбилея, но и самую мысль объ этомъ считаетъ позорною и равносильною страху предъ ученическими угрозами, что празднованіе юбилея по предварительно выработанной программѣ состоится во всякомъ случаѣ и что, если произойдутъ безпорядки, то виновные понесутъ суровое наказаніе, при чемъ гимназія не остановится предъ какимъ бы то ни было числомъ жертвъ и пощады не окажетъ никому изъ виновныхъ, такъ какъ, въ случаѣ бунта въ гимназіи послѣ сдѣланныхъ ученикамъ предостереженій и вразумленій, проступокъ ихъ будетъ грубымъ и возмутительнымъ актомъ съ ихъ стороны, и что о такомъ рѣшеніи педагогическаго совѣта должны быть поставлены въ извѣстность

родители и родственники учениковъ, къ которымъ и слѣдуетъ обратиться съ просьбою воздѣйствовать надлежащимъ образомъ на ихъ дѣтей и питомцевъ. Въ такомъ смыслѣ педагогическій совѣтъ сдѣлалъ постановленіе огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Директоромъ гимназіи приняты были цѣлый рядъ мѣръ по предотвращенію безпорядковъ и по воздѣйствію на учащихся и вразумленію ихъ. Прежде всего обращено было вниманіе на учениковъ сомнительнаго поведенія и сдѣланы имъ строгія предостереженія; родители такихъ учениковъ приглашены были въ гимназію и имъ разъяснено настроеніе ихъ дѣтей и поручено принять надлежащія мѣры къ вразумленію ихъ и наблюденію за ихъ поведеніемъ. Этимъ были парализованы неспокойные элементы гимназіи. Затѣмъ классными наставниками были посѣщены родители и опекуны всѣхъ остальныхъ учениковъ старшихъ классовъ.

При посѣщеніи классными наставниками родителей учениковъ наблюдались характерныя и интересныя сцены. Является, напримѣръ, классный наставникъ 7 класса учитель Гацкевичъ въ квартиру родителей неблагонадежныхъ учениковъ К...скихъ, застаётъ дома одну мать и сообщаетъ ей, что онъ прибылъ, по порученію директора гимназіи, сообщить, что какъ ей, вѣроятно, извѣстно, воспитанники Радомской гимназіи, подъ вліяніемъ воздѣйствія на нихъ разныхъ подстрекателей, намѣреваются произвести въ гимназіи, 25 апрѣля, въ день празднованія гимназіей юбилея поэта Жуковскаго, безпорядка, что въ числѣ воспитанниковъ, которые дали агентамъ обѣщаніе участвовать въ бунтѣ, находятся дѣти ея, и что директоръ проситъ родителей сказанныхъ учениковъ К... принять мѣры къ вразумленію ихъ дѣтей и предохраненію ихъ отъ проступка, участіе въ которомъ повлечетъ за собою строжайшую кару для виновныхъ. Мать изумлена; спрашиваетъ своихъ дѣтей, дѣйствительно ли правда, что они дали обѣщаніе участвовать въ гимназическомъ бунтѣ. Дѣти долгое время молчатъ, но наконецъ уступаютъ мольбамъ и слезамъ матери и сознаются, что они дали товарищамъ слово участвовать въ гимназическомъ бунтѣ. Мать въ отчаяніи, видя грозящее ея дѣтямъ бѣдствіе—исключеніе изъ заведенія и потерю всѣхъ трудовъ и затратъ, положенныхъ на ихъ воспитаніе. Является отецъ, узнаетъ, въ чемъ дѣло. Отецъ и мать начинаютъ уговаривать дѣтей опомниться, пощадить себя и пожалѣть родителей. Трагическое положеніе родителей усиливается, такъ какъ всѣ увѣщанія родителей не дѣйствуютъ на

учениковъ; мать начинаетъ истерически рыдать, плачутъ и дѣти, и сквозь слезы старшій сынъ говоритъ родителямъ, что они дали товарищамъ слово участвовать въ бунтѣ и измѣнить своему слову не могутъ, что они могутъ дать родителямъ только обѣщаніе не принимать на себя инициативы безпорядковъ, но когда бунтъ произойдетъ, отъ участія въ немъ они отказаться не могутъ. Такова сила товарищескаго вліянія, которое въ современныхъ дѣтяхъ сильнѣе вліянія родителей!

Гимназіей выработаны были мѣры предосторожностей по наблюденію за учениками въ день празднованія юбилея Жуковскаго. Предназначенныя для раздачи учащимся брошюры о Жуковскомъ и отдѣльныя изданія сочиненій его были снабжены печатью гимназіи, именемъ и фамиліей ученика и перенумерованы. Во время торжества ученики были размѣщены въ актовомъ залѣ не сплошною массою по обѣимъ сторонамъ залы, а въ шахматномъ порядкѣ. Ученики вводились въ залъ классъ за классомъ, при чемъ самые классы были размѣщены въ смѣшанномъ порядкѣ, напримѣръ: рядомъ съ седьмымъ классомъ стоялъ второй, съ пятымъ классомъ восьмой и т. д., при каждомъ классѣ находится подлежащій классный наставникъ; впереди залы, на виду пѣвчихъ и музыкантовъ находился директоръ, позади залы стоялъ инспекторъ, такъ что ученики находились подъ перекрестнымъ взглядомъ классныхъ наставниковъ и лицъ учебнаго персонала. Въ такомъ порядкѣ предложено было директоромъ класснымъ наставникамъ и выводить учениковъ изъ залы по окончаніи акта, вводить ихъ въ надлежащій классъ, въ классахъ раздавать учащимся именныя брошюры и, по окончаніи этой операціи, выводить учениковъ изъ класса и на улицѣ сопровождать ихъ, пока классъ не разойдется по разнымъ улицамъ и не разобьется на малыя группы.

Юбилейный актъ прошелъ спокойно, хотя безъ воодушевленія и въ напряженномъ состояніи и никакихъ инцидентовъ не произошло, за исключеніемъ того, что среди музыкантовъ и пѣвчихъ кто-то рассыпалъ нюхательный табакъ. Болѣе значительный инцидентъ произошелъ по окончаніи акта, на улицѣ, но и тотъ могъ осуществиться только благодаря непредусмотрительности и неисполненію распоряженія директора гимназіи класснымъ наставникомъ седьмого класса, самаго неспокойнаго и подозрительнаго по поведенію. Наставникъ седьмого класса, вопреки распоряженію директора гимназіи, выпускалъ учениковъ по мѣрѣ раздачи имъ брошюры, а не цѣлымъ классомъ и не сопровождалъ ихъ на улицѣ, по выходѣ ихъ изъ гимназіи.

Нѣкоторые ученики 7 класса, по выходѣ изъ гимназіи, на Рванской улицѣ, торжественно порвали розданныя имъ юбилейныя брошюры о Жуковскомъ. Вскорѣ они сами испугались своего проступка, вызвали сторожей изъ нѣкоторыхъ домовъ по Рванской улицѣ и просили ихъ замести клочья разорванныхъ брошюръ, поэтому, когда директоръ, спустя минутъ двадцать, проходилъ по Рванской улицѣ по пути въ интернатъ, то никакихъ слѣдовъ уничтоженія брошюръ не замѣтилъ. Въ интернатѣ директоръ обратилъ вниманіе только на тотъ фактъ, что, сидя за столомъ, въ ожиданіи обѣда, никто изъ учениковъ не имѣлъ передъ собою полученныхъ брошюръ, какъ это было во время юбилея Гоголя.

Злостное уничтоженіе нѣкоторыми учениками полученныхъ ими брошюръ не могло укрыться отъ гимназіи, такъ какъ этотъ проступокъ учениковъ произошелъ на улицѣ, на виду расходившейся съ акта многочисленной публики и о немъ директоръ узналъ въ тотъ же день. Такъ какъ брошюры были розданы учащимся именныя, то легко было узнать, кто изъ учениковъ уничтожилъ свою брошюру.

Приказано было ученикамъ всѣхъ классовъ принести въ гимназію полученныя ими брошюры, и по повѣркѣ обнаружилось, что уничтожили свои брошюры 17 учениковъ 7 класса и около 10 учениковъ другихъ классовъ, при чемъ у малютокъ вырывали изъ рукъ брошюры ученики старшихъ классовъ и даже поджидавшіе ихъ въ Саксонскомъ саду ремесленники; были даже случаи уничтоженія брошюръ на дому членами семьи, въ которой жили ученики. Воспитанники младшихъ классовъ, представившіе удовлетворительныя объясненія уничтоженія брошюръ, никакимъ взысканіямъ не были подвергнуты. 17 же учениковъ 7 класса были подвергнуты наказанію арестомъ отъ 4 до 8 часовъ, на хлѣбѣ и водѣ. Но нѣкоторые арестъ обратили для себя въ триумфъ. Такъ какъ ученики были разсажены подъ арестъ поодиночкѣ, то пришлось занять и классы, выходящіе на улицу, и вотъ ученики, сидѣвшіе въ этихъ классахъ, улучивъ удобную минуту, раскрывали окна, и въ окна имъ бросали цвѣты и сласти, а по выходѣ изъ-подъ ареста подвергнутые аресту ученики отправились въ городской садъ и тамъ панненки подносили имъ, какъ героямъ и мученикамъ идеи, цѣлые букеты цвѣтовъ. Таково было настроеніе нѣкоторыхъ элементовъ польскаго общества, поэтому неудивительно, что молодые и впечатлительные юноши поддавались вліянію этихъ элементовъ и агитаторовъ, которые прибыли въ

Радомъ даже ко дню юбилея наблюдать эффектъ грандіознаго бунта учениковъ Радомской гимназіи, не состоявшагося лишь благодаря принятымъ гимназіей мѣрамъ, несмотря на всѣ происки и агитаціи. Въ день самаго юбилея директоръ встрѣтилъ на улицѣ ученика Сѣдлецкой гимназіи, будто бы прибывшаго въ Радомъ заказать сапоги, которыхъ сколько угодно можно было купить въ томъ городѣ, куда онъ былъ высланъ на жительство къ родителямъ. Директоръ распорядился, чтобы онъ немедленно уѣхалъ изъ Радома.

Тяжела была въ это время педагогическая служба въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, особенно въ отвѣтственной должности директора гимназіи, обязанности котораго, состоящія въ спокойномъ и систематическомъ воспитаніи и умственномъ развитіи юношества, усложнялись посторонними задачами, отвлекавшими его отъ прямого и плодотворнаго дѣла воспитанія и обученія.

Такимъ образомъ вмѣсто грандіознаго погрома въ гимназіи, на который рассчитывали агитаторы, все „событіе“ ограничилось рваньемъ 17 учениками 7 класса выданныхъ имъ брошюръ о Жуковскомъ. Объ этомъ событіи директоръ донесъ попечителю округа и департаменту министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ въ это время существовало распоряженіе министерства, чтобы начальники учебныхъ заведеній немедленно доносили, одновременно и попечителю округа и департаменту просвѣщенія, о всѣхъ случаяхъ нарушенія школьной дисциплины. Это распоряженіе, вѣроятно, было вызвано тѣмъ, что начальники учебныхъ заведеній не всегда доносили окружному начальству о случаяхъ нарушенія въ учебныхъ заведеніяхъ дисциплины, и въ свою очередь окружное начальство не очень усердно посвящало министерство въ детали тѣхъ инцидентовъ и прямыхъ нарушеній дисциплины, которые участившись въ это время въ учебныхъ заведеніяхъ; одновременно должно было доносить и о наложенныхъ на учениковъ взысканіяхъ за нарушеніе дисциплины. Ни изъ министерства народнаго просвѣщенія, ни изъ округа никакихъ замѣчаній и указаній не было сдѣлано по поводу донесенія. Видимо высшее начальство не очень удивилось происшествію въ Радомской гимназіи, послѣ того, что ему извѣстно было объ инцидентахъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Такъ взглянулъ на это дѣло и варшавскій генералъ-губернаторъ Чертковъ, посѣтившій около этого времени Радомъ; при докладѣ ему директоромъ, во время представленія мѣстныхъ

чиновъ, о происшедшемъ въ гимназiи эпизодѣ, онъ сказалъ директору: „Вы, вѣроятно, обладаете большою педагогическою опытностью“, на что директоръ отвѣтилъ ему словами: „Служу по министерству народнаго просвѣщенiя тридцать седьмой годъ“. Видимо и генераль-губернаторъ не придавалъ особаго значенiя происшедшему въ гимназiи инциденту.

То, что произошло въ Радомской гимназiи въ это смутное время, не было слѣдствiемъ дезорганизаціи этого учебнаго заведенiя, а было результатомъ окружающихъ обстоятельствъ и постороннихъ воздѣйствiй. Что гимназiя не была глубоко потрясена, что и порывъ къ беспорядкамъ и случившійся эпизодъ произошли подъ внѣшнимъ напоромъ и явились какъ бы данью со стороны учениковъ духу времени и возбужденiямъ агитаторовъ, подтвержденiемъ можетъ служить то обстоятельство, что послѣ эпизода 25 апрѣля жизнь гимназiи протекала сравнительно спокойно, въ обыденномъ темпѣ, безъ измѣненiя установленнаго режима: 14 мая, по случаю празднованiя годовщины священнаго коронованiя Ихъ Императорскихъ Величествъ, и 7 iюня, день годичнаго акта въ гимназiи, прошли спокойно, при обычной обстановкѣ, въ присутствiи учащихъ и публики, при участiи гимназическаго оркестра и хора, и оба торжества закончились исполненiемъ народнаго гимна.

Съ концомъ 1902—1903 учебнаго года окончилась моя педагогическая дѣятельность и служба въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, продолжавшаяся свыше 35 лѣтъ. 1 августа 1903 года я вышелъ въ отставку и, благодаря этому, къ счастью, не былъ непосредственнымъ наблюдателемъ тѣхъ печальныхъ событiй, которыя произошли въ освободительную эпоху въ Царствѣ Польскомъ вообще и въ Варшавскомъ учебномъ округѣ въ частности.

В. Г. Смородиновъ.

